

А после заворотки лошадей — и домой. Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрывает. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруп слышит: невдалеке Морозко на елке вотрещивает, с елки на елку поскокивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит:

— Тепло ли те, девица?

— Тепло, тепло, багюшко-Морозушко! Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу:

— Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?

— Девница чуть дух переводит, но еще говорит:

— Тепло, Морозушко! Тепло, багюшко!

Мороз пуше затрещал и сильнее защелкал и девице сказал:

— Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, далушка?

Девница окостеневагла и чуть слышно сказала:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит:

— Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!

Старик запряг лошадей и поехал. Подъезавши к дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все на воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и девица бух в ноги махаче. Старуха изумилась, как увидела деву живую, новую шубу и короб белья.

— Э, не обманешь меня.

Вот спустя немного старуха говорит старику:

— Увези-ка и моих-то дочерей к жениху; он их еще не так одарит!

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши девицы сидят да посмеиваются:

— Что это у матушки надумано — вдруп обейк замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт придет, и не знаешь, какой!

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябоко. — Что, Паракха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженый не придет, так мы здесь околем.

— Полно, Машка, враты! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед (*обеденная порка, полденка*) на дворе.

— А что, Паракха, коли придет один, кого он возьмет?

— Не тебя ли, дурище?

— Да, смотри, тебя!

— Конечно, меня.

— Тебя! Полно тебе плягантий (*насмехаться*) да враты!

Морозко у девушек руки ознобил, и наши девицы сунули руки в пазухи да опять за то же.

— Ой ты, заспанная рожда, нехорошая тресся (*лихорадка*), поганое рыло! Прысть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.

— Ох ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!

Так девицы расстаривали и не в шутку озябли; вдруп они в один голос сказали:

— Да кой храници (*бранное слово*)! Что долго нейдет? Вышь ты, посинела!

Вот вдалеке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскокивать да пощелкивать. Девицам послышалось, что кто-то едет.

— Чу, Паракха, уж едет, да и с колокольцем.

— Поди прочь,! Я не слышу, меня мороз обдирает.

— А еще замуж нарохтишься (*собираться*)! И начали пальцы огдувать. Морозко все ближе да ближе; наконец очутился на сосне, над девицами. Он девицам говорит:

— Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мой голубушки?

— Ой, Морозко, больно студёно! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаанный, стинул.

Морозко стал ниже спускаться, пуше потрескивать и чаще пощелкивать.

— Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?